НАШЕ ПРОШЛОЕ

DOI: 10.22394/2070-8378-2019-21-5-112-118

Кадры для царя и государства (XVIII век)

ИГОРЬ НЯЗБЕЕВИЧ БАРЦИЦ, доктор юридических наук, профессор, директор Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: bartsits-in@ranepa.ru

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ КРАКОВСКИЙ, доктор юридических наук, профессор кафедры государствоведения Института государственной службы и управления

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119606, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 82). E-mail: krakovskiy-kp@ranepa.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу формирования системы образовательных учреждений, готовивших государственных служащих Российской империи в XVIII веке. Проведение глобальных государственных реформ в начале XVIII века требовало большого числа грамотных чиновников. Их надо было готовить к будущей профессии. Созданная в 1685 году школа греческого языка, преобразованная в 1687 году в Эллино-греческую (с 1701 года – Славяно-латинская, а с 1775 года – Славяно-греко-латинская) академию в Москве, являясь, по сути, церковным учебным заведением, не решала проблему подготовки кадров для государственного управления. Петр I обозначил необходимость организации специальной подготовки чиновничества. Он видел перспективу развития кадров государственного аппарата в наполнении его образованными дворянами, и готовить их должны были, в первую очередь, сами центральные учреждения: Сенат, важнейшие коллегии и канцелярии. Мысль об этом содержалась и в Генеральном регламенте (1720), где был призыв к дворянству и приказным людям отдавать детей в коллегии и канцелярии учиться приказным наукам, и в Табели о рангах (1722), определявшей порядок обучения дворянских недорослей, для чего в учреждениях открывались вакансии коллегии-юнкеров. Преемники Петра I, пусть и с меньшим энтузиазмом, продолжили дело великого преобразователя по обучению шляхетства, в обязательном порядке пополнявшего ряды военных и гражданских чинов. В связи с созданием Императорского Московского университета в 1755 году возникла неожиданная коллизия между обязанностью дворян служить и получать образование. Перспективы гражданской службы, в противоположность «тяготам и лишениям военной службы», обусловили большой интерес к ней дворянской молодежи.

Ключевые слова: государственная служба, образовательные реформы, подготовка кадров для государственного управления, Петербургская Академия наук, Сухопутный шляхетский кадетский корпус, Юнкерская школа при Сенате, Императорский Московский университет

Статья поступила в редакцию 28 октября 2019 года.

Барциц И.Н., Краковский К.П. Кадры для царя и государства (XVIII век). *Государственная служба.* 2019. № 5. С. 112–118.

CADRES FOR THE TSAR AND THE STATE (XVIII CENTURY)

IGOR N. BARTSITS, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of the Institute of Public Administration and Civil Service

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: in.bartsits@igsu.ranepa.ru

KONSTANTIN P. KRAKOVSKIY, Dr. Sci. (Law), Professor of the Chair of State Studies Institute of Public Administration and Civil Service

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, prospekt Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119571). E-mail: kp.krakovskiy@igsu.ranepa.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the formation of the system of educational institutions that trained civil servants of the Russian Empire in the 18th century. The implementation of global government reforms at the beginning of the 18th century required a large number of competent officials. They had to be prepared for the future profession. Established in 1687, the Hellenic-Greek Academy (in 1701 – Slavic-Latin, and in 1775 – Slavic-Greek-Latin) Academy in Moscow, being, in fact, an ecclesiastical educational institution, did not solve the problem of training personnel for public administration. Peter I outlined the need for special training for officials. He saw the prospect of developing the cadre of the state apparatus in filling it with educated noblemen, and they were to be trained, first of all, by the central institutions themselves: the Senate, the most important colleges and chancelleries. The idea of this was contained in the General Regulations (1720), where there was an appeal to the nobility and petty official people to give their children in colleges and chancellery to study the science of order, and in the Table of Ranks (1722), which determined the order of training of noble young people, for which vacancies of the College-Junkers were opened in the institutions. The successors of Peter I, albeit with less enthusiasm, continued the work of the great reformer for the training of the nobility, who mandatorily were fallen into the rows of military and civil ranks. In connection with the establishment of the Imperial Moscow University in 1755, an unexpected conflict arose between the duty of the nobility to serve and receive education. The prospects of the civil service, in contrast to the 'hardships and deprivations of military service', led to great interest of noble youth to it.

Keywords: public service, educational reforms, training for public administration, St. Petersburg Academy of Sciences, Land gentry cadet corps, Junker School under the Senate, Imperial Moscow University

The article was received on October 28, 2019.

Bartsits I.N., Krakovskiy K.P. Cadres for the tsar and the state (XVIII century). *Gosudarstvennaya sluzhba.* 2019. No 5. P. 112–118. In Russian

Введение

Проведение глобальных государственных реформ в начале XVIII века требовало большого числа грамотных чиновников. Их надо было готовить к будущей профессии. Созданная в 1687 году Эллино-греческая (с 1701 года – Славяно-латинская, а с 1775 года – Славяно-греко-латинская) академия в Москве, являясь, по сути, церковным учебным заведением, не решала проблему подготовки кадров для государственного управления. Существовавшие с первой четверти XVII века дьяческие школы (при Посольском и Поместном приказах), как и открывшиеся в начале XVIII века школы в Москве [Рождественский, 1912. С. 6], также не способствовали ее устранению (пребывание там, скорее, можно назвать стажировкой, а не учебой). К примеру, по инициативе главы Посольского приказа Л.К. Нарышкина в 1703 году в Москве было открыто специальное училище для подготовки новой генерации чиновников. «Нарышкинское училище» существовало до 1715 года, и из его стен вышло несколько десятков специалистов, предназначавшихся для государственной службы. В этом училище преподавалась, в частности, этика с элементами политики и юриспруденции.

Подготовка кадров для государственного управления при Петре I

Петр I обозначил необходимость организации специальной подготовки чиновничества. Иными словами (перефразируя известный постулат XVIII века), «мы должны каждого дворянина научить управлять государством». Об этом говорит, в частности, неопубликованный указ 1709 года, свидетельствовавший о намерении царя сделать Навигацкую школу общеобразовательным учебным заведением: «Оная школа не только потребна единому мореходству и инженерству, но и артиллерии и *гражданству* (курсив наш. – *Авт.*) пользе» [Троицкий, 1974. С. 269]. Петру I адресовались многочисленные проекты создания «спецшкол» для подготовки будущих чиновников, в том числе от его главного европейского консультанта – Лейбница [Рождественский, 1912. С. 75–117].

Посылка дворянских детей учиться за границу началась в конце XVII века. В первый раз было отправлено из комнатных стольников в Италию 28 человек, в Англию и Голландию – 22. Сердобольные родители посылали своим детям, обучающимся за рубежом, достаточно большие денежные суммы. Это позволяло дворянским отпрыскам жить там «в воле и холе», они гуляли, кутили, дрались на дуэлях, но к наукам имели весьма слабое «хотение» («ученья принимают мало»). Дело дошло до того, что Петр I специальным указом в 1710 году запретил посылать деньги и векселя за рубеж, помимо Адмиралтейского приказа (первый пример своеобразного валютного контроля)[1]. Но и это не помогло. Сын царского шута Никиты Зотова К.Н. Зотов был в 1715 году послан во Францию для изучения торговых уставов. В письме к Петру I он, в частности, отмечал: «Вашему величеству дерзаю предложить: понеже офицеры в адмиралтействе суть приказные, которые повинны юриспруденцию и прочия права твердо знать, того ради не худо бы было, если бы Ваше величество указал архиерею рязанскому выбрать двух или трех человек лучших латинистов из средней статьи людей, т.е. не из породных, ниже из подлых, для того, что вежде породные презирают труды…, а подлый не думает более, как бы чрево свое наполнить» [Пекарский, 1870. С. 157].

Вырвавшись на свободу, как отмечал историк С.М. Соловьев, молодые русские дворяне на западе Европы позволяли себе такое же поведение, к какому привыкли в лесах и степях Восточной Европы. Тот же К. Зотов продолжал сообщать царю самые неутешительные сведения. В 1717 году он писал: «Г. маршал д'Эстре призывал меня к себе и выговаривал мне о срамотных поступках наших гардемаринов в Тулоне: дерутся между собой, бранятся такой бранью, что последний человек здесь того не сделает. Того ради отобрали у них шпаги». В сентябре – новое письмо: «Гардемарин Глебов поколол шпагою гардемарина Барятинского и за то под арестом обретается» [Романович-Славатинский, 1870. С. 170].

Посылка за границу на учебу была для дворянских недорослей великой тяжестью и сущим несчастьем, как выражался В.В. Головин, один из посланных. Чтобы избавиться от такой участи, некоторые даже постригались в монахи. Так, один вологодский помещик И. Морков, отправленный в Венецию для изучения морской навигации, тайно вернулся из Италии в Россию и постригся в монахи одного петербургского монастыря. Впрочем, стены православной обители не спасли его от заморской науки: Петр I, узнав об этом, велел взять новопостриженного и еще раз отправить его овладевать знаниями.

Не забывал Петр I и об обучении оставшихся на родине. По его настоянию в архиерейских домах и при монастырях были созданы школы, в которых дворяне и дети приказных чиновников в возрасте от 10 до 15 лет могли приобретать знания по математике и основам грамматики. Освоение этих наук в школе было условием получения от священников «венечных памятей», дававших право вступать в брак[2]. Дети же знатных дворян (в том числе больших начальников, например, губернаторов), достигшие возраста 10 лет, посылались в петербургские школы[3]; родителей, укрывавших детей от «света знаний», наказывали штрафом[4]. Также создавались школы при гвардейских полках, в которых обучались малолетние дети, записанные в них. В ноябре 1721 года особым указом была

1 Полное собрание законов Российской империи (далее -ПСЗ). Собр. 1. Т. IV. № 2292.

2 ПСЗ Собр. 1. Т. V. № 2762, 2778.

3 ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 2968.

4 ПСЗ. Собр. 1. Т. IV. № 2497.

организована школа подъячих. В нее «приказные люди» детей своих повинны были отдавать, також и со стороны, кто похочет быть приказным, також учиться определенным в коллегии молодым дворянам»[5]. Впрочем, и она особого успеха не имела.

Через год Петр I констатировал, что в России «учения не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах, а особливо в экономических». Однако он видел перспективу развития кадров государственного аппарата в наполнении его образованными дворянами, и готовить их должны были, в первую очередь, сами центральные учреждения: Сенат, важнейшие коллегии и канцелярии. Мысль об этом содержалась и в Генеральном регламенте (1720), где был призыв к дворянству и приказным людям отдавать детей в коллегии и канцелярии учиться приказным наукам, и в Табели о рангах (1722), определявшей порядок обучения дворянских недорослей, для чего в учреждениях открывались вакансии коллегии-юнкеров.

31 января 1724 года в дополнение к Генеральному регламенту было повелено коллегии-юнкеров «по коллегиям обучать так, как подъячих, с самых нижних дел приказных, и сего смотреть в коллегиях накрепко, дабы в том маны не было, и под видом учения гулянья не было, за что будут коллежские жестоко наказаны, ежели по сему исполнять не будут» [Безродный, 1903. С. 250]. Но и эта форма обучения оказалась неэффективной (при каждой коллегии число обучающихся не превышало 10 человек). Несмотря на строгое предупреждение Петра I, «молодые люди часто просто не являлись на занятия» [Пятьдесят лет специальной школы..., 1882. С. 26; Томсинов, 2010. С. 48]. Их можно было отчасти понять, если знать устаревшие формы обучения, которые там господствовали. Отец русской юриспруденции С.Е. Десницкий именно это имел в виду, объясняя прохладное отношение дворян к такой подготовке к чиновничьей карьере: «Никто не токмо из дворян и достаточных, но ниже из учащихся охотно не желал подвергнуть себя… бесконечной переписке громад бумажных. От чего на последок то произошло, что господа отстали совсем от толь трудныя науки, вместо себя определяют теперь слуг своих учиться сему знанию». Однако для него было очевидно, что «в отправлении должностей государственных» дворянам насущно необходимо знание закона, чему нужно было обучать [Десницкий, 1959. С. 235, 230].

Указом от 5 февраля 1724 года Сенат распорядился «в коллегии-юнкеры выбрать из шляхетских детей, из обретающихся в науках в академиях 100 человек и разослать в коллегии, в каждую по пропорции»[6]. Был назначен смотр шляхетских детей из Москвы и провинциальных городов. Однако и эта мера оказалась безрезультатной. Пользуясь советом своего европейского «консультанта» Лейбница и его ученика Христиана Вольфа, Петр I учредил в 1724 году в Санкт-Петербурге Академию[7], при которой был создан первый в России университет [Томсинов, 2010. С. 50–58, 60]. К сожалению, императору не суждено было увидеть плоды этих просветительских усилий: открытие Академии и Академического университета произошло после его смерти.

С января 1726 года Академия наук стала действовать и как учебное заведение, в котором осуществлялось преподавание права (преимущественно римского и естественного, а также германского). Лекторами выступали иностранцы, поскольку своих профессоров-юристов в то время в России еще не было. Легко представить, что у русских учеников такой «учебный план» интереса не вызывал. Приходилось «выписывать» из-за рубежа и студентов. Академический университет формально был учрежден при императрице Елизавете Петровне в 1747 году [Бороздин, 1886. С. 121–132], но его деятельность не оказала существенного влияния на подготовку кадровых чиновников вследствие малого числа студентов (накануне закрытия в нем обучались всего три студента). В 1780-е годы этот университет был закрыт.

Кадетские корпуса и их роль в развитии государственной гражданской службы

Преемники Петра I, пусть и с меньшим энтузиазмом, продолжили дело великого преобразователя по обучению шляхетства, в обязательном порядке пополнявшего ряды военных и гражданских чинов. Большой вклад в развитие системы образования будущих чиновников внесла императрица Анна Иоанновна. В одном из указов подчеркивалась важность учебы для дворян – «дабы со временем не токмо государству полезны быть, но и сами себе через те науки довольное пропитание сыскать могли». А те, кто, «не желая собственной пользы, от наук убегают, и тем сами себя губят»[8]. Было увеличено число школ в губерниях, причем детям дворян выдавалось определенное жалование (наподобие современной стипендии). Также были созданы Артиллерийская школа и Сухопутный шляхетский кадетский корпус.

Главной задачей последнего была подготовка офицеров для армии, но наряду с военными и «шляхетскими» науками (иностранные языки, танцы, фехтование, верховая езда и т.п.), его программа предусматривала изучение юриспруденции, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение» [Рождественский, 1912. С. 15–16][9]. Важная роль в создании кадетских корпусов в России принадлежала П.И. Ягужинскому (ставшему затем генерал-прокурором), который, будучи послом в Прус-

5 ПСЗ. Собр. 1. Т. VI. № 3845.

6 ПСЗ. Собр. 1. Т. VII. № 4457.

7 ПСЗ. Собр. 1. Т. V. № 4443.

8 ПСЗ. Собр. 1. Т. IX. № 6949.

9 ПСЗ. Собр. 1. Т. VIII. № 5811.

сии, изучал опыт работы местных военно-учебных заведений и потом успешно применял его в России. В связи с тем, что военные уходили в отставку не стариками, они должны были получать навыки гражданской службы (не только военное, но и более широкое и разностороннее образование). Это обеспечивал и шляхетский корпус, где, в частности, изучалось право (российское и зарубежное), и созданный в 1752 году Морской кадетский корпус.

Дворянские недоросли усваивали науки очень неохотно, часто убегали домой [Raeff, 1962. P. 299–300]. Сенат даже был вынужден ввести наказание за такого рода нарушения: за первый побег – «отсылку для учения с солдатскими детьми в здешнюю гарнизонную школу» на год, за второй – на три года[10]. Впрочем, следует помнить, что из почти трех сотен воспитанников в начале 1730-х годов право изучали (то есть готовили себя к гражданской службе) только 11 человек [Толстой, 1885. С. 30].

Интересное новшество при проверке продвижения в обучении и повышения образовательного уровня дворян состояло в следующем. По закону 1737 года, который определил порядок явки дворянских детей, на первый смотр в 7 лет они приходили в воеводские и губернские канцелярии, после чего их отпускали домой учиться читать и писать. В 12 лет (второй смотр) они должны были владеть чтением и письмом, в противном случае их записывали в различные школы[11]; на третьем, в 16 лет (он проходил в Сенате и Герольдмейстерской конторе), кроме закона и основ православной веры, они должны были еще иметь знания по арифметике и геометрии, в противном случае они отдавались без выслуги в матросы[12]. Успешно прошедших смотры записывали на военную или гражданскую службу. Если же они хотели продолжить образование, их принимали в Кадетский корпус, Морскую академию или другие школы.

В 20 лет после четвертого смотра «оставшиеся» незаписанными на службу дворяне (в том числе дети богатых родителей, которые до 20 лет могли изучать науки дома) поступали на нее в зависимости от склонностей и полученных знаний, которым отдавалось предпочтение перед выслугой [Троицкий, 1974. С. 273]. Манифест от 31 декабря 1736 года[13] и изданный на его основе указ от 9 февраля 1737 года внесли существенные изменения в организацию службы и обучения дворян. Срок службы был ограничен 25 годами, более определенной стала учеба после каждого смотра, причем домашнее обучение перестало быть нарушением правил (приравнивавшимся к бегству со службы), как это было во времена Петра I.

10 ПСЗ. Собр. 1. Т. IX. № 6395.

11 ПСЗ. Собр. 1. Т. X. № 7171.

12 Там же. № 7170.

13 ПСЗ. Собр. 1. Т. IX. № 7142.

Подготовка дворянских недорослей к чиновничьей службе

В 1737 году Анна Иоанновна предприняла очередную попытку стимулировать подготовку дворянских недорослей к чиновничьей службе. Она распорядилась молодых дворян, жителей столицы, направить на обучение в государственные органы – Сенат, коллегии и канцелярии, – где ответственные чиновники обучали бы их знанию законов и делопроизводству[14]. 25 июня 1740 года Сенат издал строгое распоряжение, чтобы не оказавших прилежания в науках определять в кадетский корпус и полевые полки (в качестве солдат). Желавших же продолжить обучение – оставить в коллегиях с предупреждением, что «ежели которые через год искусства своего не покажут, те по прошествии этого срока написаны будут вечно в солдаты»[15]. Тем же определением Сенат установил время обучения (два дня в неделю) и приказал всем учащимся иметь квартиру на Васильевском острове, чтобы дальность местожительства их от коллегии не мешала исправному посещению ими уроков (это было «предсказание» появления студенческих городков). Более того, была установлена строгая еженедельная отчетность об успехах каждого учащегося (говоря современным языком, «промежуточная аттестация») перед генерал-прокурором.

Обучение недорослей продолжалось не только в новой, но и старой столице. При Сенатской конторе в Москве, под строгим надзором ее прокурора работала школа, преподавателями которой были офицеры-геодезисты: два капитана, один поручик и три прапорщика. Они обучали арифметике, геометрии, черчению и русскому языку. Учащимися были молодые люди, дворянские недоросли, распределяемые по канцеляриям различных учреждений для получения навыков работы. Такая же школа состояла при Правительствующем сенате в Петербурге. Постановка дела в школах страдала от двойственного положения учащихся: с одной стороны, они были канцелярскими служащими, с другой, – учащимися школы. Преподаватели-геодезисты доносили в Сенат, что обучающиеся достаточно редко появляются в школе в связи с работой в качестве приказных служителей. Орган государственной власти отреагировал, приказав освободить их от службы, дабы они этими «отлучками наук своих не забывали». Сами преподаватели признавали, что обучение в школе всего два дня в неделю (среда и суббота) неэффективно: учащиеся забывают пройденное. Они просили установить иной график обучения: три дня подряд. Но генерал-прокурор не одобрил этого из опасения, что они при таком обучении могут забыть приказную науку, и добавил, что нерадивых учеников нужно штрафовать и наказывать розгами, содержать под караулом. Среди учащихся школ были дворяне от 13 до 25 лет, им устанавливалась своеобразная стипендия от 14 до 60 рублей в год.

14 ПСЗ. Собр. 1. Т. X. № 7248.

15 ПСЗ. Собр. 1. Т. XI. № 8149.

Генерал-прокурор следил за успехами дворян-недорослей в учреждениях, где они параллельно с учебой работали в качестве коллегии-юнкеров [История Правительствующего сената..., 1911. С. 183–186]. В 1748 году в связи с обнаружившейся острой нехваткой образованных чиновников из числа дворян правительство Елизаветы Петровны издало указ «Об обучении кадетов, склонных к статской службе, юриспруденции и арифметике, и освобождении их от других занятий и военных экзерциций»[16]. Указом от 12 сентября 1750 года дворяне и юнкера коллегий, обучавшиеся в школе при Сенате, были освобождены от дежурств в дни занятий, «дабы они такими от… школы отлучками наук своих не забывали»[17].

В 1752 году Сенат вновь приказал проводить обучение в каждой коллегии (кроме Иностранной) и подчиненных местах, зачисляя на учебу от четырех до семи юнкеров по распределению генерал-прокурора[18]. Содержание учебы, которая шла под надзором руководителей присутственных мест, было незамысловатым: обучение навыкам и умениям в канцелярской работе и некоторые знания «государственных прав», хотя предусматривалось изучение и общеобразовательных предметов (арифметика, география, геометрия и т.д.).

Спустя два года (указ от 12 января 1754 года) Сенат в очередной раз признал безрезультатность и безуспешность описанного начинания, что было обусловлено не только леностью юнкеров, но и равнодушным отношением самих коллегий к этому вопросу[19]. Тем не менее, Сенат настаивал на продолжении обучения как наукам, так и «приказным делам», причем он вменил в обязанность президентам коллегий, судьям и прокурорам иметь неослабный надзор за обучением состоящих в коллегиях молодых дворян, производя в высшие чины прилежных и наказывая нерадивых и ленивых учеников [Безродный, 1903. С. 253]. Интересно, что в 1750-е годы был поставлен вопрос об изучении юнкерами, готовящимися к государственной службе (прежде всего, в Коллегии иностранных дел, Коммерц-коллегии и Юстиц-коллегии), иностранных языков – французского и немецкого, причем обучение должно было осуществляться силами Академии наук, и этому отводилось четыре дня в неделю, а всем остальным наукам – всего два дня[20].

Несмотря на стимулирование Сенатом процесса обучения юнкеров в государственных учреждениях, это оказалось весьма проблематичным, о чем свидетельствует знаменитый указ Екатерины II от 15 декабря 1763 года. Императрица, с присущим женщинам нетерпением признав неспособность школы при Сенате обучать будущих чиновников, повелела прекратить преподавание в Сенате и других государственных учреждениях, молодых дворян-учеников распределить по кадетским морским и сухопутным корпусам, а недворян направить в Московский университет (п. 23) [История Правительствующего сената, 1911. С. 394][21]. Это был редкий случай, когда менее знатное происхождение обеспечивало более благоприятные условия службы. Одновременно Екатерина II распорядилась начать специальную подготовку для государственной службы в Московском университете (набор – 80 человек), Академии наук (40 человек) и Казанской гимназии (60 человек).

Создание Императорского Московского университета и образовательные реформы при Екатерине II

В связи с созданием Императорского Московского университета в 1755 году возникла неожиданная коллизия между обязанностью дворян служить и получать образование [Морошкин, 1834. С. 216–254; Томсинов, 2010. С. 121–172]. Она была разрешена в пользу второго: дворянские недоросли, записанные в полки солдатами, отпускались на обучение в университет[22]. Впрочем, в любое время их могли отозвать на службу, – и тогда Московский университет ходатайствовал перед Сенатом о предоставлении права наиболее успешным в науках студентам продолжать учебу вплоть до 20 лет, а «которые захотят и долее». Сенат откликнулся с пониманием, более того, настоял, чтобы во время учебы им могли присваиваться более высокие чины[23].

Первоначально на юридическом факультете Императорского Московского университета обучалось несколько студентов (иногда количество студентов-юристов исчислялось цифрой 1), а в течение 10 лет преподавал единственный профессор – австриец Дильтей. Лишь приход на факультет его бывших воспитанников С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова в 1767 году, прошедших стажировку в университете Глазго у Адама Смита, поднял уровень подготовки будущих юристов и государственных деятелей. Лекции по отечественному праву читались ими уже на русском языке.

В 1759 году был основан Пажеский корпус, предназначенный для подготовки молодых дворян к придворной службе в качестве пажей. Это привилегированное учебное заведение, куда могли по высочайшему

16 ПСЗ. Собр. 1. Т. XII. № 9532.

17 ПСЗ. Собр. 1. Т. XIII. № 9797.

18 ПСЗ. Собр. 1. Т. XIII. № 9928.

19 ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. № 10172.

20 ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. № 10389.

21 ПСЗ. Собр. 1. Т. XVI. № 11989.

22 Так, будущий писатель Фонвизин (в ту пору еще фон Визин), записанный в возрасте 10 лет в Семеновский полк, в 1754 году был отпущен на учебу в университет (сначала в дворянскую гимназию при Императорском Московском университете, а потом – на философский факультет), причем в полку его чины «заочно» росли.

23 ПСЗ. Собр. 1. Т. XIV. № 10558. Спустя почти три столетия вузы России, и в первых рядах Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, настоятельно просили Правительство Российской Федерации давать студентам отсрочку от службы в армии, не призывать их на службу во время учебы.

повелению поступить представители только знатных дворянских фамилий или дети «полных» генералов, также давало воспитанникам довольно прочные знания о государстве и праве.

Несмотря на подобные позитивные решения, дело обучения будущих чиновников развивалось слабо. А. Романович-Славатинский приводил такой курьезный случай: в 1737 году было повелено всем кадетам дважды в год сдавать экзамены в присутствии преподавателей Морской академии и Инженерной школы у одного сенатора[24]. В 1740 году, когда наступил срок экзаменов, Сенат распорядился присутствовать на них генерал-аншефу Чернышеву. Но генерал, подобно прочим сенаторам, за незнанием других наук, кроме военной экзерциции, на экзаменах был бесполезен, а сенатор Нарышкин, по официальному признанию, *единственный член Сената, к этому делу способный*, был занят другими делами. Вследствие этого Сенат ходатайствовал перед императрицей о назначении к присутствию на экзамене более компетентных лиц. Резолюция была весьма унизительной для органа государственной власти: принимать экзамены были назначены генерал-фельдмаршал Миних и учителя адмиралтейской и инженерной школ; сенаторов было решено к экзаменам больше не привлекать[25].

По манифесту о вольности дворянства от 18 февраля 1762 года, дворяне получили право обучать своих детей в любом учебном заведении, на родине или в европейских государствах (п. 7)[26]. Дворянская молодежь из состоятельных и родовитых семей стала все чаще практиковать учебу в европейских университетах. Так, в 1770 году в Лейденском университете возникло русское землячество, куда входили представители «золотой молодежи» графы братья Н.П. и С.П. Румянцевы, князья братья А.Б. и Ал.Б. Куракины, граф Н.П. Шереметев и др. [Дружинин, 2002. С. 14–17]. Хорошая подготовка в зарубежном университете стала началом их стремительной карьеры. Все они в дальнейшем занимали видные государственные посты в России, дипломатическом корпусе.

Обучение канцелярскому делопроизводству и перспективы гражданской службы в конце XVIII века

При Павле I были предприняты шаги по восстановлению обучения юнкеров канцелярскому делопроизводству. Согласно указу от 1 января 1797 года, планировалось начать обучение будущих чиновников при департаментах Сената в Петербурге и Москве (20 человек) и при коллегиях (по семь человек в каждой, за исключением Военной и Адмиралтейской) [История Правительствующего сената..., 1911. С. 715][27]. Генерал-прокурор князь Куракин, который теперь должен был курировать подготовку чиновников к государственной службе, представил Павлу I проект новой школы при Сенате для юнкеров, так определив ее цель: «…образование *благородных чиновников* (курсив наш. – *Авт.*) для гражданской службы». Так была открыта при Сенате Юнкерская школа. Четырехлетнее обучение в ней (принимались только дворяне, достигшие 12 лет) предполагало освоение как «общих наук» (грамматика, геометрия, история, география и др.), так и специальных (юридических); также велась практическая подготовка по составлению деловых бумаг. Во время обучения юнкерам выплачивалось достаточно высокое жалованье: 100 руб. в год [Безродный, 1903. С. 256–263].

По окончании школы выпускники при наличии вакансий распределялись на службу в Сенат или коллегии (с учетом знаний, показанных на выпускных экзаменах). Перспективы гражданской службы, в противоположность «тяготам и лишениям военной службы», обусловили большой интерес дворянской молодежи к этому учебному заведению. Тем не менее, дворянство, составлявшее основу чиновничьего корпуса в XVIII веке, еще не отличалось высокими стандартами образованности[28]. Отношение дворянских детей к учебе (и к самой службе) видно из рапорта секунд-майора В. Рудакова генерал-прокурору Сената князю Н.Ю. Трубецкому (июль 1744 года): «Во учрежденной при Правительствующем сенате школе находящиеся дворяне ко обучению тщания и прилежания не имеют, понеже в показанные для обучения дни, не хотят быть в обучении, также и на дневанье, сказываются больными, а при Сенате и коллегиях нужнейшими приказными делами якобы удерживаны бывают, которые в те времена, видно, бывают в праздности и гулянье. Оные же дворяне неретко отпрашиваются в домовые отпуски, показывая законные нужды, бутто за исправлением домовых и вотчинных дел и нужд. И то, как видно, отбывая от обучения наук, мнится, по большей части для гуляния. И в бытность свою в отпуску обученные науки забывают и по приезде своем науки вновь начинают обучать» [Троицкий, 1974. С. 279].

Заключение

Никакие меры воздействия не оказывались эффективными в обеспечении подготовки «руководящих кадров» государственного аппарата. О низкой результативности «программы подготовки» дворянских детей к государственной службе в XVIII веке свидетельствуют данные об уровне образованности кадров, возглавлявших высшие инстанции госаппарата. Так, в середине века президенты (по-современному – «министры») семи коллегий (Военной, Адмиралтейской, Берг-коллегии, Вотчинной, Иностранной, Коммерц-коллегии, Юстиц-коллегии) получили только

24 ПСЗ. Собр. 1. Т. X. № 7313, 7369.

25 ПСЗ. Собр. 1. Т. XI. № 8253.

26 ПСЗ. Собр. 1. Т. XV. № 11444.

27 ПСЗ. Собр. 1. Т. XXIV. № 17707.

28 С.М. Троицкий проанализировал образовательный уровень русских чиновников в середине XVIII века и пришел к неутешительным выводам [Троицкий, 1974. С. 267–295].

общее или низшее специальное образование. Остальные пять коллегий (Главный магистрат, Камер-коллегию, Мануфактур-коллегию, Ревизион-коллегию, Штатс-контору) возглавляли люди, не имевшие такой подготовки. Среди вице-президентов коллегий лишь четверо получили образование, остальные начали карьеру в армии (пять человек), при дворе (один человек), в учреждениях (два человека).

Из 28 руководителей других важных государственных учреждений 19 имели хорошую армейскую выучку, по-видимому, заменившую им обучение и специальную подготовку. Среди них – начальник Тайной канцелярии (аналог современной Федеральной службы безопасности Российской Федерации) граф А.И. Шувалов, президент Академии наук граф К.Г. Разумовский, главный судья Судного приказа (аналог современного Верховного суда Российской Федерации), сенатор и руководитель Шляхетского корпуса (аналог современного Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации) Б.Г. Юсупов [Троицкий, 1974. С. 283–284]. Еще более сложной была ситуация с руководителями местных администраций. Так, 13 губернаторов из 16 в середине XVIII века имели опыт армейской службы или же минимальное образование. Из 10 вице-губернаторов только трое имели образование. Практический опыт – вот что служило «верной школой» подготовки таких руководителей [Готье, 1913. С. 211–212]. Лишь в XIX веке ситуация стала улучшаться.

Литература

Безродный А.В. О подготовлении опытных и образованных деятелей для государственной службы. *Журнал Министерства Юстиции*. 1903. № 9. С. 249–285.

Бороздин А.К. Академический университет в XVIII веке. *Исторический вестник*. 1886. Т. 24. № 4. С. 120–133.

Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II: В 2 т. Т. 1. М., 1913. 472 с.

Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: Вторая половина XVIII века. М., 1959. С. 99–264.

Дружинин П.А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. 504 с.

История Правительствующего сената за двести лет. 1711–1911 гг.: В 5 т. Т. 2. СПб., 1911. 860 с.

Морошкин Ф.Л. Об участии Московского университета в образовании отечественной юриспруденции. *Ученые записки Императорского Московского университета.* 1834. № VIII. С. 205–255.

Пекарский П.П. История Императорской академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. 774 с.

Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России. СПб., 1882. 168 с.

Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. Т. 1. СПб., 1912. 680 с.

Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. СПб., 1870. 594 с.

Толстой Д.А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1885. 100 с.

Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М.: Зерцало-М, 2010. 215 с.

Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М.: Наука, 1974. 395 с.

Raeff M. Home, school, and service in the life of the 18th-century Russian nobleman. *The Slavonic and East European Review*. 1962. Vol. 40. Issue 95. P. 295–307.

References

Bezrodnyi A.V. On the preparation of experienced and educated figures for public service. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii.* 1903. № 9. P. 249–285. In Russian

Borozdin A.K. Academic University in the 18th Century. *Istorichesky vestnik*. 1886. Vol. 24. № 4. P. 120–133. In Russian

Desnitsky S.E. Legal reasoning about the benefits of knowledge of domestic law art and the need to renew it in state highly protected schools // Legal works of progressive Russian thinkers: the second half of the 18th century. M., 1959. P. 99–264. In Russian

Druzhinin P.A. Unknown letters of Russian writers to Prince Alexander Borisovich Kurakin (1752–1818). M., 2002. 504 p. In Russian

Fifty years of a special school for the education of military lawyers in Russia. St. Petersburg, 1882. 168 p. In Russian

Gauthier Y.V. History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II. Vol. 1. M., 1913. 472 p. In Russian

History of the Governing Senate for two hundred years. 1711–1911: In 5 vol. Vol. 2. St. Petersburg, 1911. 860 p. In Russian

Moroshkin F.L. On the participation of Moscow University in the formation of domestic jurisprudence. *Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta.* 1834. № VIII. P. 205–255. In Russian

Pekarsky P.P. History of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg. Vol. 1. St. Petersburg, 1870. 774 p. In Russian

Raeff M. Home, school, and service in the life of the 18th-century Russian nobleman. *The Slavonic and East European Review.* 1962. Vol. 40. Issue 95. P. 295–307. In English

Romanovich-Slavatinsky A.V. The nobility in Russia from the beginning of the XVIII century until the abolition of serfdom. St. Petersburg, 1870. 594 p. In Russian

Rozhdestvensky S.V. Essays on the history of public education systems in Russia in the 18th–19th centuries. Vol. 1. St. Petersburg, 1912. 680 p. In Russian

Tolstoy D.A. A look at the educational part in Russia in the 18th century until 1782. St. Petersburg, 1885.100 p. In Russian

Tomsinov V.A. Legal education and jurisprudence in Russia in the 18th century. M.: Zertsalo-M, 2010. 215 p. In Russian

Troitsky S.M. Russian absolutism and the nobility in the XVIII century. M.: Nauka, 1974. 395 p. In Russian